

ПОЛИСЕМИЯ НАЗВАНИЙ ГОЛОВЫ В СЛАВЯНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

П.М. Аркадьев (РГГУ, Москва)

0. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

В данной работе исследуются значения основных названий головы в некоторых славянских и германских языках (перечень использованных источников см. ниже). Цель работы — выделить переносные значения, регулярно встречающиеся у названий головы в разных языках и попытаться объяснить, почему эти смыслы выражаются словами-названиями головы.

0.1. Одной из задач находящейся ещё только в процессе становления лексической, или лексико-семантической типологии может быть исследование того, каким образом в конкретном языке то или иное множество значений находит своё выражение в лексике. В рамках подобного исследования ключевую роль должен играть типологический анализ полисемии и семантических переходов между разными значениями одного и того же слова (ср. [Зализняк 2002])

Как представляется, необходимый этап такого рода исследования многозначности — определение круга значений, которые в разных языках кодируются одним и тем же словом. Такие значения, называемые **совмещёнными** (этот термин употребляется в грамматической типологии, ср. [Плунгян 1998a: 378; 1998b: 372]). Подобная задача, т. е. эмпирическое выявление своего рода лексико-семантических универсалий и фреквенталий, ставится в настоящей работе (хотя на довольно ограниченном материале родственных языков).

0.2. В статье рассматривается полисемия **в широком смысле**, т. е. всё множество значений, которые можно выделить у **основы** некоторого слова, в частности, и те значения, которые встречаются у слова только во фразеологических сочетаниях, и те, которые основа имеет лишь в составе слов, формально производных от данного.

Здесь встаёт вопрос о том, каким образом можно выделить значение слова в составе идиомы или же значение основы в составе производной

лексической единицы. Признаюсь, что никаких сколько-нибудь формальных критериев выделения такого рода значений я предложить не могу. Ограничусь лишь несколькими примерами из русского языка. (1) Во фразеологизме *X-у пришёл в голову Y* \approx ‘в уме X-а раньше не было Y-а <прессуппозиция>; в уме X-а возник Y <ассерция>’ компоненту смысла ‘возник’ скорее соответствует глагольная форма *пришёл*, а компоненту ‘в уме’ — поверхностная форма *в голову*. Такую интерпретацию данной идиомы подтверждает наличие квазисинонимичного фразеологизма *X-у пришёл на ум Y*. (2) Более сложный пример: фразеологизм *X вскружил голову Y-у* \approx ‘X каузировал Y-а потерять способность адекватно воспринимать себя и окружающую X-а действительность’ (*Неожиданный успех вскружил голову дебютанту*), как мне представляется, нужно рассматривать как результат метафорического переноса с полусвободного сочетания *у X-а кружится голова* \approx ‘X чувствует головокружение’. Поэтому я не выделяю в идиоме *X вскружил голову Y-у* отдельного значения у словоформы *голове*. (3) В композите *пустоголовый* \approx ‘не имеющий в голове ума’ корень *пуст-* естественно соотнести с компонентом смысла ‘не имеющий’, а корень *голов-* — с компонентом смысла ‘ум’. (4) Наконец, семантический анализ слова *головка* \approx ‘округлая конечная часть длинного предмета’ (например, *головка спички*; исследование весьма прихотливой сочетаемости этого слова и его этимологических аналогов в разных славянских языках — проблема, требующая самостоятельного изучения) позволяет, как мне кажется, выделить у корня *голов-* значение ‘округлая конечная часть’, которое соотносится с более общим значением ‘предмет, по форме похожий на голову’ (ср. *голова сахара*).

Исследование полисемии в широком смысле может дать много полезной информации о представлении различных аспектов действительности в **наивной** (или **языковой**) **картине мира** ([Апресян 1974/1995а: 56 — 60; 1995b: 349 — 351, 629 — 630], [Урысон 1998: 3 — 4], [Рахилина 2000: 10 — 27]) и вообще в культуре носителей данного языка. Типы многозначности могут указывать, с одной стороны, на коннотативные элементы семантики, которые образуют важную составляющую в уникальной образной картине действительности, зафиксированной в языке (см. [Апресян 1995b: 156 — 175], [Успенский

1979/1997]). С другой стороны, производные значения проливают свет на неявные метафорические представления о предмете или явлении. Изучение подобных представлений также позволяет делать выводы о картине мира носителей языка.

Хотя сопоставительные (в особенности этимологические) исследования анатомической лексики весьма многочисленны¹, эти работы обычно ограничиваются анатомическими значениями слов (если слово обозначает часть тела человека или животного, т. е. является **анатомическим** или **соматическим термином**, то такое его значение в дальнейшем будет называться *анатомическим*). Что же касается сравнительного изучения **культурной семантики анатомических терминов**, которое позволило бы не только получить более живую и конкретную картину восприятия тела и его частей в разных культурах, выявить типы культурного восприятия тела языком, иерархию органов и их функций, как она отражена в лексике, то работ, ставящих себе подобные цели, мне известно крайне мало (эта проблематика затрагивается, отчасти, в [Тенищев (ред.) 2001]; ср. также [Крейдлин 2001]). Из описаний культурной семантики человеческого тела и представления его функций в русском языке хочется отметить следующие работы: [Вежбицкая 1999: 526 — 546]², [Апресян 1995b: 348 — 388]; [Урысон 1995, 1998]; [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001]. Ниже предпринимается попытка систематического исследования культурной семантики названий одной из важнейших частей тела в славянских и германских языках, причём акцент делается не на мельчайших подробностях каждой конкретно-языковой системы, а на общих механизмах и способах “окультуривания” (ср. [Козеренко, Крейдлин 1999: 270], [Крейдлин 2001: 208 и след.]) названий головы в этих языках.

¹ Материал индоевропейских языков см. хотя бы в [Buck 1949: 196 — 325; Иванов, Гамкрелидзе 1984: 786, 800, 812 — 818; Дыбо 1996: 48 — 105] и библиографических списках в них. Об алтайской анатомической лексике см. уже упоминавшуюся книгу А.В. Дыбо и ссылки в ней. Полное исследование общетюркских соматических терминов, включающее также весьма интересные данные о полисемии, содержится в [Тенищев (ред.) 2001: 194 — 234 и след.].

Типологические данные о полисемии необходимы и для сравнительно-исторического, в частности, этимологического изучения лексики. Они предсказывают семантические переходы, которые могут произойти в истории языка, позволяют дать более полную и “живую” картину содержательной стороны реконструируемых единиц словаря и помогают проникнуть в наивную картину мира носителей исчезнувших языков (см. [Зализняк 2002]).

В основе проводимого исследования лежит представление о мотивированности, неслучайности переносных значений слова: я считаю, что любое такое значение тем или иным образом связано с основным (исходным) значением. Если не удаётся обнаружить непосредственную связь какого-либо производного значения с исходным, то она, по предположению, лежит в более глубинных, скрытых в культуре идеях и представлениях, выражающихся в этом значении (ср. [Перцов 1996; 1999; 2001: 22 — 49, в особенности 35 — 44]; [Падучева 1999: 488 и след.]³).

0.3. Объект моего исследования — **основные** названия головы. Название головы (т. е. слово, одно из значений которого — ‘голова’ ≈ ‘верхняя часть тела человека (resp. передняя часть тела некоторых животных), в которой расположены лицо (resp. морда), рот, мозг и некоторые органы чувств’) признаётся основным, если оно удовлетворяет следующим требованиям:

- (а) значение ‘голова’ у данного слова является исходным с исторической или с синхронной точки зрения (тем самым, основными названиями головы не являются слова *котелок*, *чурбан* и т. п.);
- (б) на употребление данного слова в значении ‘голова’ в языке не накладывается никаких стилистических ограничений (в соответствии с этим условием, основным названием головы не является, например, слово *башка*).

² Указанная статья Анны Вежбицкой посвящена анализу книги [Jordanskaja, Paperno 1995], которая, к сожалению, оказалась мне недоступна.

³ Ср. также: “совмещение значений в рамках одного и того же формального средства, конечно, не случайно и свидетельствует об их внутренней близости” ([Плунгян 1998b: 378]).

Укажу сразу, что в список рассматриваемых слов включается рус.⁴ *глава*, хотя в современном языке это слово практически утратило значение ‘голова’. Дело в том, что исключение этого слова привело бы к существенному усложнению процедуры сравнения древнерусской и русской микросистем основных названий головы: ведь в древнерусском слово *глава* в значении ‘голова’ не имело столь явно выраженной стилистической окраски, в отличие от рус. *глава*⁵.

0.4. Материалом для исследования послужили в основном словари — толковые, переводные и фразеологические. Список источников приведён ниже.

Славянские языки: Белорусско-русский словарь / Под ред. К.К. Крапивы. М., 1962; Андрейчин Л., Георгиев Л. и др.. Български тълковен речник. София, 1973; Бернштейн С.Б. Болгарско-русский словарь. М., 1953; Гочева Е., Еленска В. Учебен руско-български речник. Москва — София, 1984; Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. М. — Варшава, 1980; Польско-русский словарь / Под ред. М.Ф. Розвадковской. М., 1960; Reczek S. Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław e. a., 1969; Słownik polszczyzny XVI wieku / Red. M.R. Mayenowa. Wrocław e. a.. Т. 4, 1969; Т. 7, 1973; Słownik staropolski. Т. 2, Warszawa, 1958, Т. 3, Warszawa, 1961; Яранцев Р.И.. Русская фразеология: Словарь-справочник М., 1997; Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1996; Словарь русского языка XI — XVII вв. Вып. 1 — 23. М., 1975 — 1999; Сербско-хорватско-русский словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1957;

⁴ В работе приняты следующие сокращения названий языков: Англ. — английский, англос. — англо-саксонский, бел. — белорусский, болг. — болгарский, герм. — германские, дат. — датский, др.-греч. — древнегреческий, др.-исл. — древнеисландский, др.-рус. — древнерусский, исл. — исландский, итал. — итальянский, лит. — литовский, лат. — латынь, монг. — монгольские, нем. — немецкий, нидерл. — нидерландский, норв. — норвежский, пол. — польский, рус. — русский, скр. — санскрит, слав. — славянские, слвц. — словацкий, србхр. — сербско-хорватский, ст.-пол. — старопольский, ст.-чеш. — старочешский, стсл. — старославянский, тунг.-маньчж. — тунгусо-маньчжурские, тюрк. — тюркские, франц. — французский, чеш. — чешский, швед. — шведский, яп. — японский.

⁵ В подтверждение этого приведу два примера, различающиеся только тем, какое из двух слов употреблено: *И еѣ глада велика яко по полѣривнѣ глава коначи.* ([Бархударов (ред.)

Старославянский словарь (по рукописям X — XI веков) / Под. ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994; Дьяченко Г., протоиерей. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993; Чешско-русский словарь / Под ред. П.Г. Богатырева. М., 1947; Чешско-русский словарь. М., 1976; Gebauer J. Slovník staročesky. Т. I, Praha, 1903; Т. II, Praha, 1916;

Германские языки: Мюллер В.К., Боянус С.К. Англо-русский словарь. М., 1931; The Concise Oxford Dictionary of Current English / Ed. by H.W. Fowler, F.G. Fowler, rev. by E. McIntosh. London, 1954; Hornby A.S., Cowie A.P. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English. Oxford; Москва, 1982; Bosworth J., Toller T.N. An Anglo-Saxon Dictionary. Oxford, 1976; Beowulf / Hrsg. von E. von Schaubert. München; Paderborn; Wien, 1961; Крымова Н.И., Эмзина А.Я., Новакович А.С. Датско-русский словарь. М., 1975; Берков В.П. Исландско-русский словарь. М., 1962; Helgi Haraldsson. Rússnesk-íslensk orðabók / Под ред. В.П. Беркова. Reykjavík, 1996; Sigfús Blöndal. Íslensk-dönsk orðabók. Reykjavík, 1980; Cleasby R., Gudbrand Vigfusson, Craigie W.A. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957; Fritzner J. Ordbog over Det gamle norske Sprog. Oslo; Bergen; Tromsø, 1973; de Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962; Gering H. Vollständiges Wörterbuch zu den Liedern der Edda, Hildesheim; New York, 1971; Большой немецко-русский словарь / Под ред. О.И. Москальской. М., 1980; Deutsch als Fremdsprache / Hrsg. D. Götz, G. Haensch, H. Wellmann. Berlin & München, 1993; Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1975; Дренясова Т.Н., Миронов С.А., Шечкова Л.С. Новый нидерландско-русский и русско-нидерландский словарь. М., 1999; Аракин В.Д. Норвежско-русский словарь. М., 1963; Миланова Д.Э. Шведско-русский словарь. М., 1959; Malmström S., Györki I. Bonniers svenska ordbok. 1984; Illustrerad svensk ordbok / Red. B. Molde. Stockholm, 1984; Svensk ordbok / S. Allén (red.) Stockholm, 1987;

0.5. Наконец, мне бы хотелось выразить искреннюю признательность А.В. Дыбо и Г.Е. Крейдлину, под руководством которых было проведено данное

1977: 21 — 22]); *И еѣ глэдзъ белнкъ ако по полбурненіи голови коначи.* ([Бархударов (ред.) 1977:

исследование, а также С.И. Гиндину, Е.А. Гуревич, И.А. Кулаковой и Е.В. Рахилиной, которые читали статью на разных стадиях её написания. Их ценные замечания я постарался учесть при подготовке окончательного варианта текста.

1. СЕМАНТИКА НАЗВАНИЙ ГОЛОВЫ В СЛАВЯНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ.

В приводимых ниже таблицах 1 и 2 схематически отражены самые общие результаты исследования многозначности названий головы в славянских и германских языках. Столбцы таблиц соответствуют языкам, а строки — значениям. Если в данном языке L у основного названия головы присутствует значение ‘ x ’, то этот факт отмечается знаком “+” на пересечении соответствующих строки и столбца. Если в языке имеется более одного основного названия головы, то во входной строке указываются по отдельности каждое из них. Если в данном языке у данного слова какое-либо значение отсутствует, соответствующая клетка таблицы оставляется пустой. Следует отметить также, что во входном столбце каждой таблицы указаны **все** значения, зафиксированные в рассматриваемых группах языков. Значения, которые встречаются у данной основы только в составе производных слов и вместе с тем имеют очень ограниченную сочетаемость (такие значения я буду в дальнейшем называть *рецессивными*), отмечаются знаком “(+)”.

Таблица 1. Славянские языки.

Язык	Рус.		Др.-рус.		Бел.	Болг.	Србхр.	Стсл.	Пол.	Ст.-пол.	Чеш.	Ст.-чеш.	Слвц.
	голова	глава	голова	глава	галава	глава	глава	ГЛАВА	głowa	glowa	hlava	hlava	hlava
Анатомическое зн.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
‘лицо’													
‘ум’	+			(+)	+	+	+		+	+	+	+	+
‘умный человек’	+												
‘человек’	+		+	+		+	+		+	+	+	+	+
‘жизнь человека’	+		+	+	+		+		+				+
‘убитый человек’			+ ⁶	(+)					(+)	+			
‘убийство’										+		+	
‘возмещение за убийство’			+						(+)	+		+	
‘пленный человек’			+	+									
‘нечто главное’	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
‘человек, главный в не- которой группе людей’	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+
‘выборный начальник’	+		+		+								
‘особь скота’	+				+	+			+				
‘предмет, по форме похожий на голову’	+		+	(+)	+	+	+		+	+	+	+	+
‘передняя часть’	+		(+)		+		(+)				(+)		(+)
‘начало’			+		(+) ⁷	(+) ⁷							
‘причина’													
‘исток или верховья реки’						+							

⁶ Примеры см. ниже.⁷ Только в подзначении ‘начало текста’.

Язык	Рус.		Др.-рус.		Бел.	Болг.	Србхр.	Стсл.	Пол.	Ст.-пол.	Чеш.	Ст.-чеш.	Слвц.
	голова	глава	голова	глава	галава	глава	глава	глава	głowa	glowa	hlava	hlava	hlava
‘конец’							(+) ⁸						
‘изголовье’										+	+		
‘верхняя часть’	(+) ⁷	+	+	+			+		+	+	+	+	
‘возвышенность’													
‘купол храма’		+		+									
‘высокая или высшая степень’				(+)									
‘критический момент’													
‘лучшая часть’				+ ⁹									
‘верхняя часть письма или документа’													
‘заголовок’													
‘раздел текста’		+		+			+	+	(+)		+	(+)	+
‘брак’							(+) ¹⁰						
‘биологический пол’											(+) ¹¹		(+)
‘блуждать’							(+) ¹²						
‘изгородь на сплавной реке’				+									
‘чашка’													

⁸ Напр., *заглавити* ‘закончить, обобщить что-либо’, *заглавье*, *заглавница* ‘последний раздел текста’.

⁹ Напр., *И привозят <...> изъ зимобей ммыхъ добрыхъ голокныхъ соболей* ([Бархударов (ред.) 1977: 66]) — ‘и привозят с зимнего промысла самых хороших соболей’.

¹⁰ Значение зафиксировано только в диалектах, напр. *главеж* ‘помолвка’, *главеник* ‘жених’.

¹¹ Примеры см. ниже.

¹² Напр., *главрѣати* ‘ходить без дела’

Таблица 2. Германские языки.

Язык	Англ.	Англос.	Нем.		Нидерл.		Норв.	Швед.	Дат.	Исл.		Др.-исл.
	head	hēafod	Kopf	Haupt	hoofd	kop	hode	huvud	hoved	höfuð	haus	höfuð
Анатомическое зн.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
‘лицо’			+ ¹³		+							
‘ум’	+	(+)	+		+	+	+	+	+	+ ¹⁴		(+)
‘умный человек’							+					
‘человек’	+	+	+	+	+		+		+	+		+
‘жизнь человека’	+	+	+		+	+		+		+		+
‘убитый человек’												
‘убийство’												
‘возмещение за убийство’												
‘пленный человек’												
‘нечто главное’	+	+		+	+			+	+	+		+
‘человек, главный в не- которой группе людей’	+	+	+	+	+		+	+	+	+		+
‘выборный начальник’												
‘особь скота’	+									(+)		(+)
‘предмет, по форме похожий на голову’	+	+	+			+	+	+	+		+	+
‘передняя часть’	+	(+)	+			+		(+)				
‘начало’												
‘причина’		+			+ ¹⁵							

¹³ Напр., *Ein hochroter Kopf* ‘багровое от гнева или стыда лицо’

¹⁴ Примеры единичны.

¹⁵ Есть только один пример: *Uit dien hoofde* ‘по этой причине’ (букв. “из этой головы”).

Язык	Англ.	Англос.	Нем.		Нидерл.		Норв.	Швед.	Дат.	Исл.		Др.-исл.
	head	hēafod	Kopf	Haupt	hoofd	kop	hode	huvud	hoved	höfuð	haus	höfuð
‘исток или верховья реки’	+	+										
‘конец’												
‘изголовье’									+			
‘верхняя часть’	+	(+)	(+)			+	+			+		+
‘возвышенность’		+										
‘купол храма’												
‘высокая или высшая степень’		(+)			(+)				(+)	(+)		+ ¹⁶
‘критический момент’	+ ¹⁷											
‘лучшая часть’												
‘верхняя часть письма или документа’								+	+			
‘заголовок’			+			+	+					
‘раздел текста’	+											
‘брак’												
‘биологический пол’												
‘блуждать’												
‘изгородь на сплавной реке’												
‘чашка’						+						

¹⁶ Напр., *höfuðbrot* ‘большой ущерб’, *höfuðeyzla* ‘большое расточительство’

¹⁷ Напр., *Discontent has come to a head* ‘недовольство достигло критической точки’

1.1. Значения, встречающиеся во многих языках. На основании приведённого материала выделяется ряд значений, которые присутствуют у названий головы практически во всех языках: ‘ум’¹⁸ (исключения: стсл; в др.-рус., англос., исл. и др.-исл. это значение рецессивно и абсолютно периферийно), ‘человек’ (исключения: бел., стсл., швед.), ‘нечто главное’ (исключение: норв., где это значение закреплено за морфемой *hoved-*, этимологически тождественной основному названию головы *hode*, но утратившей в современном языке все остальные значения), ‘человек, главный в некоторой группе людей’ (исключение: стсл.), ‘предмет, по форме похожий на голову’ (исключение: стсл.¹⁹). Также в большинстве языков встречаются значения: ‘жизнь человека’, ‘передняя часть’ и ‘верхняя часть’.

Указанные значения названий головы можно, по-видимому, считать универсальными и с высокой долей вероятности предполагать, что хотя бы некоторые из них будут совмещаться со значением ‘голова’ в каждом языке. Разумеется, данная гипотеза должна быть проверена на большой выборке языков, не связанных друг с другом генетически и территориально.

В качестве предварительных типологических параллелей я могу привести, во-первых, данные из некоторых древних и новых языков Европы; в др.-греч.: ‘нечто главное’, ‘верхняя часть’ [Вейсман 1879]; в лит.: ‘ум’, ‘жизнь человека’, ‘человек’ (причём преимущественно в качестве счётного слова), ‘человек, главный в некоторой группе людей’, ‘предмет, похожий на голову’ [Lyberis 1962], [Keinys (red.) 2000]; в лат.: ‘верхняя часть’, ‘ум’, ‘человек’, ‘жизнь человека’, ‘особь скота’, ‘нечто главное’, ‘раздел текста’ и некоторые другие [Дворецкий 1976]; во франц.²⁰: ‘лицо’, ‘ум’, ‘человек’, ‘нечто главное’, ‘человек, главный в некоторой группе

¹⁸ Я придерживаюсь здесь экспликации данного значения, предложенного Е.В. Урысон ([Урысон 1995: 7]) для русского языка, а именно, ‘способность человека думать и понимать’. Как мне представляется, применение этой формулировки при анализе материала других языков не будет слишком грубым упрощением реальной картины.

¹⁹ Отсутствие в старославянском данных значений, скорее всего, объясняется спецификой текстов на этом языке (их исключительно религиозной тематикой). По аналогичным причинам я вообще не рассматриваю в работе материал готского языка.

людей’, ‘передняя часть’, ‘начало’, ‘верхняя часть’, ‘заголовок’, ‘предмет, похожий на голову’, ‘изголовье’; итал.: ‘ум’, ‘человек’, ‘передняя часть’, ‘верхняя часть’, ‘начало’, ‘горшок’; во-вторых, данные индоевропейского языка Азии: скр. ‘голова’, ‘жизнь человека’, ‘нечто главное’, ‘передняя часть’, ‘верхняя часть’, ‘начало’ [Böhntlingk 1879 — 1886]; и, наконец, неиндоевропейского языка: в яп. отмечены следующие значения: ‘ум’, ‘человек’, ‘нечто главное’, ‘человек, главный в некоторой группе людей’, ‘верхняя часть’ [Конрад (ред.) 1970].

То, что данные значения часто встречаются у названий головы в самых разных языках, можно объяснить двумя группами факторов. Во-первых, такие значения, как ‘главный’, ‘жизнь’ возникают из-за свойственного, по-видимому, большинству культур, восприятия головы как **главной** и наиболее **жизненно необходимой** части тела. Поэтому название головы в таких контекстах, как *беречь... / не беречь..., отдать ... за, заплатиться ...* и т. д. может получать значение ‘жизнь’. Голова как **часть** тела обычно метонимически замещает **целое** — человека или животное. Во-вторых, существует гипотеза, что значения ‘предмет, похожий на голову’, ‘верхняя часть’, появляются как результат антропоцентрического взгляда на мир, приписывающего топологические свойства человека и частей человеческого тела неживым предметам и явлениям (см. [Рахилина 2000: 253 и след.]), а значение ‘передняя часть’, совмещённое со значением ‘голова’, скорее свидетельствует о животнo-центрическом восприятии (см. [Дыбо 1996: 25, 26 и след.], [Рахилина 2000: 13 — 15]).

1.2. Значения, специфичные для отдельных языков. Значение ‘раздел текста’ имеется у названия головы практически во всех славянских языках. В белорусском языке его обслуживает отдельное слово *глава*, не употребляющееся в анатомическом значении и потому мною не рассматриваемое. В польском языке это значение выражается словами *część rozdzieli*, а в старопольских текстах начиная с XV в. использовались заимствованные из латыни слова *kapitula*, *kapitulum*, *kapitola*. Интересно, что, в отличие от современного чешского, у ст.-

²⁰ Материал французского и итальянского языков был собран и любезно предоставлен

чеш. *hlava* значение ‘раздел текста’ отсутствовало, а для его выражения использовались отмечаемые с XV в. в текстах опять-таки заимствованные *kapitola, kapitula*; примерно в то же время в качестве обозначения раздела текста использовалась ст.-чеш. *hlavna, hlavizna* [Machek 1969]. Значение ‘раздел текста’ появилось в результате кальки с др.-греч. *κεφάλαιον* (ср. также лат. *capitulum*; в самом древнегреческом это значение, по-видимому, развилось из значения ‘нечто главное’ → ‘основные положения текста’ → ‘основные разделы текста’ [Вейсман 1879: 702]). Из германских языков это значение встречается только в английском, где оно периферийно и возникло, скорее всего, аналогично древнегреческому. В других языках этой группы носителями значения ‘раздел текста’ служат заимствования из латыни или романских языков: англ. *chapter*, нем. *Kapitel*, швед. *kapitel* и т. д..

Употребление названия головы в качестве счётного слова для живых существ, в особенности для скота, отмечается лишь в немногих языках, причём в славянском ареале оно более распространено, нежели в германском. По-видимому, счёт по головам оказывается более редким явлением, чем это обычно предполагается, хотя такой счёт и встречается в самых разных культурах (в частности, в японском языке в качестве счётного суффикса для крупных животных (не только для скота) используют заимствованную из китайского морфему *tō* ‘голова’ [Фельдман-Конрад 1998: 639]). Помимо этого, во многих, если не во всех языках, значение ‘человек’ у названия головы встречается в дистрибутивных контекстах типа *распределить по...*, *дать по яблоку на ...* и т. п., что указывает на более частый счёт по головам людей, а не животных.

Значения ‘убитый человек’, ‘убийство’, ‘возмещение за убийство’ отмечены в древнерусском²¹, старопольском, старочешском и польском языках. Возникновение этого значения не вполне ясно, однако данные древних

И.А. Кулаковой.

²¹ Примеры употребления названия *головы* в этом значении можно найти в [Бархударов (ред.) 1977]; приведу лишь один: *И они не дадут выры за головъ четыре рубли московскыю* (XVI в.) ‘и они не дадут выры за убитого четыре рубля московских’. Это значение отмечено в

славянских языков позволяют, по-видимому, возводить эту группу значений к праславянскому уровню.

Значение ‘биологический пол’, зафиксированное только в чешском и словацком у производных от названия головы слов (чеш. *pohlaví*, словц. *pohlavie*), возникло, согласно [Machek 1968], в результате контаминации с лексемой **polovъje* с корнем *pol-* ‘половина’ и семантическим сдвигом ‘половина’ + ‘человек’ → ‘половина людей’ → ‘пол’.

В шведском и датском отмечено значение ‘верхняя часть письма или документа, где пишутся имя, дата, заголовок и т. п.’. Интересно, что в рус. это значение выражается «топологически» близким словом *шапка*.

1.3. Типология значений, совмещённых со значением ‘голова’. Отдельные значения, выражаемые названиями головы в разных языках, группируются в более широкие семантические области. Вот важнейшие из них:

- (1) **анатомическая** (собственно основное значение), а также зафиксированное только в нем. и нидерл. ‘лицо’;
- (2) **ментальная** (‘ум’, ‘умный человек’);
- (3) область, связанная с обозначением **человека**;
- (4) область, связанная со значением ‘жизнь человека’; сюда я отношу также значения ‘убитый человек’, ‘убийство’ и, возможно, редкое ‘пленный человек’;
- (5) область, связанная с понятием ‘главный’, куда входят значения ‘нечто главное’, ‘человек, главный в некоторой группе людей’, ‘выборный начальник’;
- (6) область, в которую входят значения, связанные с формой головы и её положением на теле; в свою очередь, она делится на несколько подобластей:
 - (6.1) значения, связанные с формой головы: ‘предмет, по форме похожий на голову’;

таких производных, как *головицкя* ‘убийца’, *головицни* ‘плата, которую убийца или его родственники выплачивают в качестве возмещения родственникам убитого’.

- (6.2) значения, связанные с верхним положением головы: ‘верхняя часть’, ‘исток или верховья реки’, ‘возвышен-ность’, ‘высокая или высшая степень’, ‘критический момент’, ‘лучшая часть’, ‘заголовок’, ‘начало текста’ и др.;
- (6.3) значения, связанные с передним положением головы: ‘передняя часть’, ‘начало’, ‘причина’;
- (7) область, связанная со значением ‘раздел текста’.

В таблице 3 обобщаются данные о наличии у названий головы рассматриваемых языков значений из описанных выше семантических областей (кроме тривиальной анатомической). В клетках таблицы отмечается количество значений из каждой области, зафиксированных в данном языке. При этом если все такие значения рецессивные, то цифра берётся в скобки: (1).

Таблица 3. Лексическое «покрытие» семантических областей в разных языках.

сем. обл. язык	(2)	(3)	(4)	(5)	(6.1)	(6.2)	(6.3)	(7)
рус.	2	1	1	3	1	2	1	1
др.-рус.	(1)	1	4	3	1	3	2	1
бел.	1	—	1	3	1	(1)	1	—
болг.	1	1	—	2	1	2	—	1
србхр.	1	1	1	2	1	1	(1)	1
стсл.	—	—	—	1	—	—	—	1
пол.	1	1	3	2	1	1	—	(1)
ст.-пол.	1	1	3	2	1	1	—	—
чеш.	1	1	—	2	1	1	(1)	1
ст.-чеш.	1	1	2	2	1	1	—	(1)
слвц.	1	1	1	2	1	—	(1)	1
англ.	1	1	1	2	1	3	1	1
англос.	(1)	1	1	2	1	4	2	—
нем.	1	1	1	2	1	2	1	—
нидерл.	1	1	1	2	1	2	2	—
норв.	2	1	—	1	1	2	—	—
швед.	1	—	1	2	1	1	(1)	—
дат.	1	1	—	2	1	2	—	—
исл.	1 ²²	1	1	2	1	2	—	—
др.-исл.	(1)	1	1	2	1	2	—	—

²² Как указывалось выше (см. прим. 14), значение практически рецессивно.

Из таблицы видно, что «главный» — это единственная семантическая область, представленная во всех без исключения языках. Что же касается остальных областей, то можно отметить некоторые важные факты.

Во-первых, то, что во всех рассмотренных древних языках (куда, разумеется, не относятся старопольский и старочешский, засвидетельствованные в текстах с конца XIV века) её нет или она рецессивна, позволяет предположить, что отсутствие ментального значения является типовой чертой названий головы в древних индоевропейских языках (отмечу также, что его, видимо, нет и в древнегреческом и санскрите, тогда как в латыни ментальное значение, напротив, присутствует). В пользу данной гипотезы говорит то, что в некоторых древних языках, например, в старославянском, древнерусском и древнеисландском значение ‘ум, разум, внутренний мир человека’ выражается лексемами, относящимися к вокабулам с основным значением ‘сердце’.

Небезынтересно, что в тех языках, где название сердца может употребляться в значении ‘ум’, данное употребление охватывает значительно более широкий круг явлений, чем рус. слово *ум*. По-видимому, такое значение названий сердца может быть точнее эксплицировано как ‘способность человека думать, понимать и чувствовать’. Типологическим подтверждением могут послужить, например, данные неварского языка (Тибет; см. [Вежбицкая 1996: 386 — 387]), в котором слово *nuga*: выражает концепт, “который гораздо ближе русскому *душа*, чем английскому *mind*” (там же). Данный концепт локализуется наивной картиной мира носителей не в голове, а именно в сердце.

Несколько иная картина наблюдается, возможно, в праалтайской семантической реконструкции. Тюрк. обозначение ‘головного мозга’ (**bejn*) имеет переносные значения ‘ум’, ‘удовольствие или наслаждение’, причём последнее зафиксировано в самых древних памятниках. В других алтайских языках параллели для этой лексемы (монг. **maŋ-laj*, тунг.-манчж. **miarjan*) означают соответственно ‘лоб’ и ‘сердце’. Это свидетельствует о том, что устойчивое значение ‘вместилище ума и чувств человека’ в языках разных групп локализовалось в разных частях тела — в голове или в сердце ([Тенищев (ред.) 2001: 195 — 196]; также А.В. Дыбо, устное сообщение).

Во-вторых, приведённый материал показывает, что, по-видимому, не следует считать значение ‘нечто главное’ метонимическим производным от значений ‘верхняя часть’ или ‘передняя часть’. Более правильно, как кажется, было бы рассматривать значение ‘нечто главное’ метафорическим производным от собственно анатомического значения. Дело в том, что существуют языки, в которых ни одно из ориентационных²³ значений не зафиксировано (стсл.²⁴) или оба представлены крайне ограниченно (слвц.), но при этом во всех рассмотренных мною языках у названия головы есть значение из семантической области «главный». Разумеется, гипотеза о независимом возникновении значения ‘нечто главное’ и значений из областей (6.2) и (6.3) должна быть подтверждена на более широком типологическом материале.

1.4. Опыт типологии микросистем названий головы. Если рассматривать отдельно языки с несколькими основными названиями головы (двумя названиями обладают рус., др.-рус., нем., нидерл., исл.), то для их классификации представляется целесообразным выделить следующие признаки:

- (а) **устройство системы значений:** микросистема называется **равновесной**, если все входящие в неё слова имеют много общих значений и примерно одинаково широкую сочетаемость; в противном случае микросистема называется **неравновесной**;
- (б) **избыточность системы значений:** этот признак градуален и выражается в отношении числа значений, общих для всех слов, к суммарному количеству значений в системе;
- (с) **гомоцентрические** (у всех названий головы одинаковое основное или этимологически исходное значение) vs. **гетероцентрические** (у названий головы разные основные значения) системы.

Из рассмотренных систем равновесны др.-рус. и нидерл., неравновесны — рус., нем., исл.; гомоцентричны все системы, кроме нидерл. (у слова *kop*

²³ Так я буду называть значения ‘верхняя часть’, ‘передняя часть’, ‘начало’ и т.п..

²⁴ Как уже говорилось (прим. 19), к данным старославянского языка необходимо относиться с особой осторожностью.

основное значение — ‘чашка’). Значения признака избыточности (в процентах) приведены в таблице 4.

Таблица 4. Избыточность микросистем названий головы.

Язык	рус.	др.-рус.	нем.	нидерл.	исл.
избыточность системы	29 %	53 %	27 %	21 %	10 %

Как видно, признаки избыточности системы значений и устройства системы значений независимы: у равновесных систем доля общих значений может быть и большой (др.-рус.), и относительно малой (нидерл.), а у неравновесных — и очень малой (исл.), и относительно большой (нем.). Признак избыточности представляется важным, поскольку можно предполагать, что в целях её сокращения системы с большим числом общих значений будут эволюционировать в сторону систем с меньшим их числом. Показателен в этом смысле пример древнерусской системы. В процессе её эволюции слова голова и глава не только утратили практически все такие значения, как ‘начало’, ‘лучшая часть’, ‘убитый человек’ и т. п., но и существенно сократили долю общих значений. Более того, если учесть, что, как уже было указано выше, употребление слова глава в анатомическом значении устарело и ограничено поэтическим языком, а слово голова, напротив, редко встречается в значениях ‘главный’ и ‘человек, главный в некоторой группе людей’, то получится, что эти вокабулы фактически не имеют общих значений. Интересен также пример нидерл. системы, где у слов *hoofd* и *kop* значения, связанные с человеком, — общие, а ориентационные и технические значения закреплены только за словом *kop*, в то время как более абстрактные значения ‘нечто главное’, ‘причина’ и т. п. — напротив, выражаются исключительно словом *hoofd*. Примерно так же устроена и нем. система. Всё это свидетельствует о том, что языки в идеале стремятся к тому, чтобы минимизировать избыточность систем названий головы и сделать их более компактными. Поэтому представляется вполне естественным то, что гипертрофированная др.-рус. система полностью перестроилась.

1.5. Фразеологический материал показывает, что в языках, в которых название головы имеет ментальное значение, эта часть тела представляется в языковой картине мира как **вместилище** (см. о **вместилище** как

топологическом типе объектов в [Рахилина 2000: 247, 264 и др.]), в котором находится мозг: в разных языках представлены модели *пустоголовой* ('глупый' \approx 'не имеющий в голове ума'), *X-у пришёл в голову Y* (\approx 'в уме X-а раньше не было Y-а <пресуппозиция>; в уме X-а возник Y <ассерция>'), *X вынул/выкинул Y из головы* (\approx 'в уме X-а был Y <пресуппозиция>; X сделал так, что Y перестал быть в уме X-а <ассерция>') и т. п.. Это вместилище проницаемо для внешнего воздействия, в частности, информация может и входить в него, и выходить оттуда. Характерно, что в языках, в которых ментальное значение отсутствует, конструкций, где голова воспринималась бы как вместилище, нет. В то же время, при переносе 'голова' \rightarrow 'ум' часть тела осознаётся как орган или даже как своего рода механизм, на что указывают, например, такие фразеологизмы, как *X работает головой* (= 'у X-а работает ум' \approx 'X думает'), *X ломает голову над Y-ом* (\approx 'Y представляет из себя проблему для X-а <пресуппозиция>; X хочет решить проблему Y, и поэтому интенсивно и непрерывно думает об Y-е в течение длительного времени' \approx '...думает так интенсивно, что ум X-а может выйти из строя'). Упрямый и своевольный человек часто описывается как *твердоголовой*, т. е. имеющий *твёрдую голову*, в которую трудно проникнуть чужим мнениям и аргументам. Более подробный и обстоятельный анализ сочетаемости названий головы в разных языках мог бы добавить немало ценных сведений, однако подобную работу ещё только предстоит выполнить.

Не менее важно решить и проблему фразеологических заимствований, однако и этот вопрос в моей работе не рассматривается. Укажу только, что многие фразеологизмы в русском языке — кальки с французских идиом, а в западно-славянских языках — с немецких (см. [Isačenko 1976: 374 и след.]).

2. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Исследование семантики названий головы в славянских и германских языках показало, что можно выделить группу значений, регулярно совмещённых в разных языках со значением 'голова'. Эти значения таковы: 'ум', 'нечто главное', 'человек, главный в некоторой группе людей', 'верхняя часть', 'передняя часть', 'предмет, по форме похожий на голову'. Привлечение

обширных типологических данных может подтвердить или опровергнуть гипотезу о том, что название головы в произвольном языке будет иметь хотя бы некоторые из этих значений.

Приведённые факты свидетельствуют о том, что в языках голова осознаётся как **главная часть тела**, способная представлять человека или животное; также большинство рассмотренных современных языков характеризуют голову как основной орган мысли (см., в частности, [Урысон 1995: 7 — 10]). Голова в языковой картине мира представляется как часть тела, необходимая для жизни человека, её потеря влечёт неминуемую смерть (отсюда разнообразные выражения, в которых голова выступает как символ жизни). Что касается прочих частотных значений, то они связаны с формой головы, её верхним (у человека) или передним (у животных) положением.

Дальнейшие исследования в этой области могут идти по меньшей мере в трёх направлениях: во-первых, применение предлагаемой в работе методологии к изучению значений других соматических терминов на более широком языковом материале и на более глубоком уровне, в частности, с привлечением текстовых источников, что могло бы существенно скорректировать сведения о сочетаемости тех или иных лексем. Во-вторых, подобные исследования можно и нужно проводить на материале других лексических и семантических полей (в сфере как именной, так и глагольной семантики). В-третьих, крайне актуальной является проблема создания теоретической базы типологического изучения многозначности в разных языках.

Цитируемая литература

1. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. I. М.: «Языки русской культуры», 1974/1995а.
2. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: «Языки русской культуры», 1995b.
3. *Бархударов С.Г. (ред.)* Словарь русского языка XI — XVII вв. Вып. 4. М.: «Наука», 1977.
4. *Вежицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: «Русские словари», 1996.

5. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: «Языки русской культуры», 1999.
6. *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. СПб., 1879.
7. *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. М.; Вена: «Языки русской культуры», Wiener Slavistischer Almanach, SBd. 49, 2001.
8. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М.: «Русский язык», 1976.
9. *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: «Языки русской культуры», 1996.
10. *Анна А. Зализняк.* О «каталоге» семантических дериваций. Доклад на III Зимней Типологической школе, Московская область, 29.01 — 3.02, 2002 г.
11. *Иванов Вяч.Вс., Гамкрелидзе Т.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I — II. Тбилиси: «Издательство Тбилисского Университета», 1984.
12. *Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е.* Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) // Фразеология в контексте культуры. /Отв. ред. В.Н. Телия. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 269 — 277.
13. *Конрад Н.И. (ред.)* Большой японско-русский словарь. Т. I — II. М.: «Советская энциклопедия», 1970.
14. *Крейдлин Г.Е.* Кинесика // Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001, с. 166 — 254.
15. *Е.В. Падучева.* Метонимические и метафорические переносы в парадигме глагола *НАЗНАЧИТЬ* // Рахилина, Тестелец (ред.), с. 488 — 502.
16. *Н.В. Перцов.* О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Вып. 1: «Спорное в лингвистике» / Под ред. Н.В. Перцова. М.: «Языки русской культуры», 1996. С. 9 — 66.
17. *Н.В. Перцов.* Заметки об инварианте // Рахилина, Тестелец (ред.), с. 412 — 421.
18. *Н.В. Перцов.* Инварианты в русском словоизменении. М.: «Языки русской культуры», 2001.
19. *В.А. Плунгян.* Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (обзор) // Семиотика и информатика, Вып. 36. М.: «Языки русской культуры», «Русские словари», 1998. С. 324 — 386.

20. *В.А. Плунгян.* Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // Чертова М.Ю. (ред.) Типология вида. Проблемы, поиски решения. М.: «Языки русской культуры», 1998, с. 370 — 381.
21. *Е.В. Рахилина.* Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. М.: «Русские словари», 2000.
22. *Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец (ред.)* Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. М.: «Языки русской культуры», 1999.
23. *Тенищев Э. Р. (ред.)* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / 2-е изд., испр. и доп.. М.: «Наука», 2001.
24. *Е.В. Урысон.* Фундаментальные способности человека и наивная анатомия // Вопросы языкознания. 1995 № 2, с. 3 — 16.
25. *Е.В. Урысон.* Языковая картина мира vs. обиходные представления // Вопросы языкознания. 1998 № 2, с. 3 — 21.
26. *В.А. Успенский.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 35: Opera selecta. М.: «Языки русской культуры», «Русские словари», 1997 (1979), с. 146 — 152.
27. *Н.И. Фельдман-Конрад.* Японско-русский учебный словарь иероглифов. / 3-е изд. М.: «Живой язык», 1998.
28. *O. Böhtlingk.* Sanskrit-Wörterbuch im kürzener Fassung. Bd. I — VII. СПб., 1879 — 1886.
29. *C.D. Buck.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago & London: The Univ. of Chicago Press, 1949.
30. *Keinys S. (red.).* Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. IV leid. Vilnius: MELI, 2000.
31. *Iordanskaja L., Paperno S.* The Russian-English Collocational Dictionary of the Human Body. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1995.
32. *Isačenko A.V.* Borrowing or Loan-Translation? A note on Recent Inter-Slavic Linguistic Contacts // *Isačenko A.V.* Opera selecta. München: Wilhelm Fink Verlag 1976, SS. 383 — 391.
33. *Lyberis A.* Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Vilnius: Mokslas, 1962.
34. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.